

Члены компании, закончившие ужинать, начали полноценную подготовку к сбору. Судя по тому, как они без особых указаний или договорённостей естественно распределили роли и начали рисовать магические формации, было ясно, что они привыкли к этой работе.

Пока те были заняты работой, наёмники не могли просто отдыхать. Они разделились на две группы и начали дежурство. Трое защищали членов компании, устанавливающих магические формации на этой поляне, а двое остальных патрулировали окрестности, высматривая угрозы извне.

— Первый день, так что пойдём я с Эрихом. Лучше расставить и защитные магические формации поблизости.

Ахивальд, Борис и Хербарт остались на поляне охранять компанию. Оставив позади вид, как Юлиан незаметно подходит к Борису и трогает шерсть, Эрих и Бертрам с фонарями вошли в лес.

Хоть они и взяли фонари, но даже без света было не так сложно различать обстановку – вокруг было светло. Льющийся лунный свет отражался от поверхности листьев и травы, рассыпая слабое свечение по всему лесу.

Двое патрулировали лес осторожными шагами. Эрих тут и там ставил защитные магические формации, блокируя вторжение извне, а Бертрам, осматривая окрестности, сразу уничтожал белое бедствие, если видел его бродящим между деревьями. Иногда бросал чёрную сферу, полученную от Хербарта, чтобы обнаружить бедствие. Если постоянно делать эту работу, вряд ли появится бедствие уровня зелёного или выше, угрожающее членам компании.

— ...

В лесу было тихо. Хотя, если уж говорить о причине, то из-за отсутствия живых существ, но прежде всего потому, что Эрих и Бертрам молчали. Бертрам какое-то время молчал, думая о случившемся за обедом, а Эрих молчал, сосредоточившись на рисовании защитных магических формаций.

Нет, возможно, у Эриха тоже были свои размышления. Обычно Эрих мог бы найти время для разговора между рисованием магических формаций. Какое-то время оба, казалось, погружённые в разные мысли, хранили молчание, и если бы молчание так продолжилось, казалось, они не скажут ни слова до возвращения на поляну.

Первым нарушил молчание Эрих. Встав после рисования последней магической формации, Эрих мимоходом лёгким тоном бросил фразу.

— Беспокоишься, Бертрам?

— М? О чём.

— О том ребёнке. Было очевидно, что тебя это заботит... Старые времена вспомнил?

Тон был шутливым, но взгляд довольно серьёзным. Бертрам легко прокашлялся и посмотрел Эриху в лицо. То, что его поймали на том, что он переживает, ещё куда ни шло, но получить такой вопрос – похоже, он действительно сильно показал это.

— Немного обеспокоился. В любом случае, это чужое дело, и даже если я буду переживать, толку нет.

— Даже если знаешь, можешь переживать. Ты тоже раньше, как тот ребёнок, боялся и дрожал от тревоги. Иногда видел кошмары. Я тогда тоже не был очень хорошим опекуном.

— Да что с тобой не так. Изначально наши обстоятельства и их различались. Ты никогда не был со мной настолько суров.

Выражение лица Эриха было серьёзнее, чем ожидалось. Поскольку атмосфера внезапно стала странной, Бертрам умеренно улыбнулся и пошутил. На самом деле Эрих был прекрасным опекуном. Он так чувствовал в детстве, и, став взрослым, думая об этом снова, чувствовал то же самое. Эрих не мрачно мучил Бертрама, а заботился о нём, присматривая даже за мелочами. Конечно, как человек, проживший слишком долго и притупившийся, были немного тупые или равнодушные моменты, но это были мелочи.

Правда, Бертрам почувствовал немного странную атмосферу. Возможно, Эрих, как Бертрам невольно проецировал себя на Юлиана, накладывает Хуго и своё прошлое. Возможно, это было ещё до обеденного случая.

— Ты же видел кошмары иногда? Боялся, что я тебя брошу или отомщу. Тогда я был немного притуплён и поздно это заметил.

— Так-то было, но... Нет. Это всё же не то, чтобы сказать, что это твоя вина. Изначально у тебя вообще не было таких мыслей.

Бертрам замахал руками и покачал головой. Осознать, что этот человек не обладает таким большим энтузиазмом или эмоциями, чтобы приблизиться к ребёнку ради мести, заняло довольно много времени. На самом деле этот человек не ожидал, что Бертрам будет нести какую-то ответственность, и не желал, чтобы тот чувствовал вину или страдание. Потому что.

— ...Триста лет назад, возможно, так и было.

— ...

— Это только моя догадка, Бертрам. Этот мужчина по имени Хуго, возможно, хочет отомстить ребёнку человека, который его мучил. Как когда-то я хотел.

Потому что поток времени, прошедший через него сотни лет, смыл и стёр все эмоции, которые у того человека должны были быть. Хоть это и был банальный ход, который можно встретить в старых историях, но, учитывая, что тот человек действительно был персонажем из старых историй Бертрама, невозможно отмахнуться и посмеяться над банальностью. Бертрам просто тихо горько улыбнулся.

— Человек, который его мучил. Ты думаешь, что прежний владелец компании мучил Хуго?

— Это всего лишь догадка, но думаю, возможность не нулевая. Говорили же, что прежний владелец компании растрачивал деньги как хотел и создавал проблемы? К тому же, судя по тому, как обычно Юлиан обращается с Хуго, похоже, что владелец компании был довольно высокомерен с Хуго.

— Действительно, хоть в решающие моменты и робеет, обычно обращается с Хуго, как со слугой...

— Это, наверное, скорее всего научился у своих родителей? Не было бы странным, если бы Хуго был в эксплуатируемых отношениях с прежним владельцем компании.

Эксплуатация. Бертрам тихо изучал выражение лица Эриха. Конечно, Бертрам согласен с интерпретацией Эриха. Судя только по полученной информации, это не такая уж и странная интерпретация. Правда, ему было немного горько от того, что Эрих использовал слово "эксплуатация". Давным-давно это слово из уст человека, который всю жизнь жил, подвергаясь эксплуатации предком Бертрама, не могло быть лёгким.

— У мёртвого человека невозможно получить ни мести, ни извинений. Тогда не остаётся ничего, кроме как взыскать долг с оставленной им крови, разве не так?

Как когда-то ты? Бертрам на мгновение так подумал, но не смог произнести это вслух. Просто молча протянул руку и погладил щёку Эриха.

— Верно. Ты прав.

На самом деле, какие именно отношения у Хуго и Юлиана, не такой уж важный вопрос. В любом случае, подробных обстоятельств не знаешь, так что от начала до конца всё – лишь догадки, и даже если узнаешь обстоятельства, это чужое дело, так что это не вопрос для его вмешательства.

Просто, в зависимости от интерпретации, их история кажется похожей на его отношения с Эрихом, и это его беспокоило. Осознав этот факт, стало как-то странно и сентиментально. Поэтому...

— Эй, Бертрам. Тебе не следует так говорить.

— Что опять не так.

— Ты что. Тебе не пристало говорить, что несправедливо, когда дети расплачиваются за проблемы неизвестных родственников.

— Не особо хочу так говорить. Если через родство получаешь выгоду, должны быть и убытки, разве нет? На самом деле этот малыш отвергается из-за греха отца, но одновременно унаследовал компанию отца и ведёт себя как хозяин.

— ...Хм.

— И я так же. Я, наверное, не свободен от ошибки, совершённой моим предком... Но если бы не было этой связи, я бы и не встретился с тобой вот так.

Когда рука, гладившая щёку Эриха, протянулась к затылку и слегка потянула, его тело притянулось к Бертраму в объятия. Ощущение обнимать тёплое и стройное тело отличалось от ощущения обнимать других товарищей.

— Знаешь, Эрих.

— М?

— Если настроение немного упало...

— Нет, у меня настроение в порядке. Не просто так говорю, правда.

Хоть и говорит так, но, судя по тому, что не пытается выбраться из объятий, было сомнительно, действительно ли всё в порядке. Бертрам другой рукой умеренно похлопал его по спине. Даже если настроение этого человека особо не упало, сейчас он хотел так побыть. Потому что

настроение самого Бертрама было не очень, и он хотел немного проветриться. Хотел найти способ немного улучшить настроение.

В любом случае, раз уж расставили защитные магические формации вокруг, сейчас не возникнет больших проблем, и тогда, под предлогом тщательного патрулирования, можно немного побездельничать. Поэтому.

— ...Хочешь потрогать мою грудь, чтобы поднять настроение?

— Кажется, у меня испортилось настроение, Бертрам. Если посижу и помну твою грудь, думаю, полегчает.

В отличие от слов, с гораздо более бодрым голосом рука Эриха расстегнула пуговицы на груди Бертрама. Похоже, настроение этого человека точно улучшилось.

Эрих расстелил на земле покрывало из магической силы, как одеяло, и усадил на него Бертрама. Когда он прочитал несколько заклинаний, вокруг прохладного места появилось тепло, и острый зимний ветер, пробирающийся сквозь распахнутый ворот, мгновенно утих.

Подготовка оказалась довольно серьёзной, но, естественно, ни один из них не собирался доходить до проникновения здесь. Как бы то ни было, они же на работе, так что нужно хоть немного сдерживаться. Максимум – лёгкие ласки и игры руками для поднятия настроения, в лучшем случае – потрогать члены друг друга и немного выпустить сперму.

— Не думал, что дело дойдёт до этого в такой момент... Ну, определённо поможет сменить обстановку.

Эрих, севший на бёдра Бертрама, расстегнул все пуговицы на его рубашке. Когда рука проскользнула между полностью распахнутой одеждой и ущипнула, покрутила сосок, Бертрам издал слабый стон.

Ветер утих, но руки Эриха, до этого находившиеся на зимнем ветру, были ещё немного холодными. Однако дрожь от холода длилась недолго – от прикосновений рук, нежно ласкавших всю грудь и растиравших соски, по всему телу Бертрама постепенно разливался жар.

— Ах, хм...

Бертрам, издавая приятные стоны, обнял Эриха за талию. Сквозь ткань одежды в нижней части тела ощущалось прикосновение твёрдо вздвухнувшегося члена. Когда он медленно двинул бёдрами, потёршись пахом о пах, Эрих вздрогнул и покраснел.

— Я же говорил просто грудь потрогать?

— Ну, заодно уж...

Когда Бертрам невнятно оправдывался и стянул свои штаны, Эрих с горькой усмешкой тоже начал снимать свои. Конечно, при этом он не прекращал ласки. Чмок, чмоок, с звуками поцелуев на груди остались красные следы, и соски пухло набухли. Каждый раз, когда красный язык Эриха чуть высовывался изо рта и дразнил соски, бёдра Бертрама слегка вздрагивали.

— Кстати, ты с какого-то времени стал довольно хитрым. То и дело говоришь "потрогай грудь" и соблазняешь.

— Какой ещё хитрый. Я просто... когда ты так делаешь, вроде как успокаиваюсь... Тебе не нравится трогать мою грудь?

— Я не говорил, что не нравится. Но раньше хоть миловидность была.

— О каком "раньше" ты говоришь? Когда мне было десять? С пятнадцати лет я уже превзошёл тебя ростом, так что с тех пор уже не был миловидным.

— Эй, тогда просто габариты были крупные, а поступки были довольно милыми. Точно знал, когда стесняться, и был очень послушным, а с возрастом, когда начал водить отряд наёмников, стал совсем наглым.

— Было такое время? Уж слишком давно, не помню. Я тоже, видимо, состарился.

— Возраст? Ты сейчас передо мной говоришь о старости?

Когда Бертрам притворился, что не слышит, и обнял Эриха за талию, тот рассмеялся, словно не веря своим ушам. Хоть и выглядел слегка ошарашенным, но настроение было явно лучше, чем раньше. Действительно, это работает. Когда возишься с телом, дурачишься и обмениваешься шутками, всякая неприятная муть быстро улечивается.

<http://bllate.org/book/15038/1423134>